

**О СТРУКТУРНОМ И ГЕНЕТИЧЕСКОМ СХОДСТВЕ
ЛЕКСИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ
(КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛЬНОЙ ПЕРЕХОДНОСТИ И ЗАЛОГА)***

© 2016 г. А. Д. Кошелев

Главный редактор Издательского дома “ЯСК”, Россия, Москва, 107031,
ул. Большая Лубянка, д. 13/16, стр. 1.

koshelev47@gmail.com

**ON STRUCTURAL AND GENETIC SIMILARITIES OF LEXICAL AND
GRAMMATICAL MEANINGS
(A COGNITIVE ANALYSIS OF VERB TRANSITIVITY AND VOICE)**

© 2016 Alexey D. Koshelev

Chief Editor of the Publishing House “LSC”, Bolshaya Lubyanka 13/16, bld. 1,
Moscow 107031, Russia.

koshelev47@gmail.com

Статья состоит из двух частей. В первой части кратко излагается когнитивный подход к анализу и описанию языковых значений. Вторая часть иллюстрирует этот подход. Она посвящена изучению полисемии транзитивных и возвратных глаголов. В ней показано, что структура значений этих глаголов имеет следующий вид: “основное значение (рефлексив) – множество производных от него (метафорических и метонимических) значений: пассив, реципрок, автокаузатив, декаузатив и др.”. Аналогичная структура присуща лексической полисемии.

The article consists of two parts. The first part outlines the cognitive approach to the analysis and description of the linguistic meanings. The second part illustrates this approach. The focus is on the study of polysemy of transitive and reflexive verbs. It is demonstrated that the structure of the meanings of these verbs is as follows: “the basic meaning (reflexive sense) – the set of meanings derived from it (metaphorical and metonymical) meanings: passive, reciprocal, auto-causative, et al.”. A similar structure is inherent to the lexical polysemy.

Ключевые слова: когнитивная семантика, залог, глагольная переходность, грамматическая полисемия, лексическая полисемия, производные значения, актив, пассив, рефлексив.

Key words: cognitive semantics, voice, verb transitivity, grammatical polysemy, lexical polysemy, derived meanings, active, passive, reflexive.

1. Введение

1. Цели статьи. Современная теоретическая семантика постепенно преодолевает “синхронический” уклон, отдающий дань идеям Ф. де Соссюра, и все большее внимание уделяет анализу семантической деривации языковых значений – проблемам образования новых значений и употреблений языковых единиц, см. в [1, с. 330–335] сопоставитель-

ный анализ подхода Московской семантической школы, нацеленного на представление синхронной семантики слова в виде списка его текущих значений, с подходами Дж. Лакоффа и В. Эванса, стремящимися также объяснить “движение” лексических значений. В данной статье мы хотели бы обрисовать когнитивную теорию языковых значений, изложенную в ряде наших публикаций [2; 3; 1].

Для когнитивной теории семантики первоочередными, на наш взгляд, являются следующие две проблемы:

* Статья публикуется в авторской редакции.

I. Проблема языка представления значений. При описании языковых значений необходимо использовать не вербальные единицы (слова и предложения), а специальный когнитивный язык (язык мысли) – набор когнитивных понятий и связывающих их отношений;

II. Проблема многозначности. Необходимо эксплицитно объяснять механизмы семантической деривации, лежащие в основе а) многозначности языковых единиц и б) способности носителя языка употреблять эти единицы в новых, окказиональных значениях.

Рассмотрим кратко предлагаемые нами решения этих проблем.

2. О когнитивном языке мысли. Для решения проблемы I мы вводим дихотомию “визуальные vs. функциональные единицы”. Это классы визуальных (шире, перцептивных) и функциональных (шире, интерпретационных) когнитивных единиц принципиально различной природы. Визуальные единицы – это типизированные продукты восприятия видимого мира – типичные образы предметов, действий и свойств, а функциональные единицы – это типизированные продукты человеческого осмысления, или интерпретации визуальных единиц. Поясним эту дихотомию. В толковом словаре [4, стб. 540] глагол *стоять* толкуется так: ‘Быть на ногах в вертикальном положении’. В более эксплицитном виде его можно представить так:

(1) *Человек стоит* = ‘Человек находится в вертикальном положении, контактируя ногами с полом’.

Это толкование описывает типичный внешний вид стоящего человека, т.е. его визуальный прототип. Отсутствие в (1) второго, функционального признака ‘человек опирается ногами о пол’ делает это толкование существенно неточным. Например, если пассажир едет в автобусе, держась двумя руками за верхний поручень, то на протяжении большей части пути он опирается ногами о пол, т.е. *стоит*. Но, если автобус вдруг резко затормозил, пассажир на какой-то момент повисает на руках, утрачивая ногами опору о пол автобуса. И хотя пассажир по-прежнему может находиться в вертикальном положении, при котором толкование (1) выполняется, сказать, что он *стоит*, уже нельзя. Правильно сказать *Пассажир висит на руках*. Другой пример. Представим себе человека, который стоит, облокотившись на стол. Если его основной опорой является стол, то он *сидит на столе*, а если пол, то – *стоит на полу*. Как мы видим, человеческая интерпретация ‘опираться ногами’ – важнейший компонент значения

глагола, строго задающий класс его прямых референтов.

Проведенный анализ подсказывает следующее определение:

(2) *Человек стоит* (основное значение) = визуальный Прототип: человек находится в вертикальном положении, контактируя ногами с полом ← семантическое (функциональное) Ядро: человек опирается ногами о пол (главная его опора).

Здесь стрелка ← обозначает отношение интерпретации, связывающее прототип и ядро. Подчеркнем: эта дефиниция глагольного значения, использует только когнитивные единицы: два понятия и одно отношение. Можно возразить: но в ней также используются слова и предложения. Это верно, но это не слова естественного языка, а термины, обозначающие самостоятельные когнитивные единицы: прототип обозначает типичное изображение стоящего человека (его можно подставить в (2) в качестве прототипа), а ядро обозначает опорную схему: ноги – главная опора человека. Такую схему ребенок начинает приписывать воспринятому предмету (= интерпретировать его облик) с очень раннего возраста: к 12 месяцам, т.е. до начала усвоения родного языка, младенец научается определять центр тяжести предмета и степень его устойчивости к падению [5, с. 52–54; 6, с. 90–93].

Как мы покажем далее, дуальная структура (2) со строгим разделением прототипа и ядра свойственна любому языковому значению, как лексическому, так и грамматическому.

3. Механизмы семантической деривации. Языковые единицы обладают одним фундаментальным свойством: они, как правило, многозначны. Говоря о многозначности, мы имеем в виду не сам факт наличия у языковой единицы, например у слова, нескольких узуальных (общеизвестных и зафиксированных словарями) значений. Сущность многозначности в том, что носители языка в своей речи постоянно употребляют слова окказионально, т.е. в новых, не известных и не встречавшихся им ранее значениях¹. И, несмотря на новизну окказионального употребления слова, окружающие, как правило, хорошо его понимают.

Например, к матери подбегает запыхавшийся, часто дышащий сын, и она ему говорит: *Ах ты, моя собачка*, уподобляя сына их маленькой со-

¹ Англоговорящий использует в среднем около 3000 окказиональных значений в неделю [7, с. 561].

бачке, которая также мелко и часто дышит. Подчеркнем: это свойство не является типичным для собак. Оно характерно лишь для собаки, которую мать и сын хорошо знают. Следовательно, таких окказиональных употреблений у слова *собака* может быть столько, сколько индивидуальных свойств отметят у своей собаки ее хозяева, т.е. в принципе бесконечно много.

Через минуту о приведенном окказиональном употреблении слова *собака* уже никто не вспомнит. Оно больше не повторится в других ситуациях, а потому не сохранится в памяти носителей языка, т.е. не превратится в новое узусное значение. Ю.С. Маслов называл такие употребления мимолетными [8, с. 104]. Однако иногда такое употребление, напротив, начинает многократно повторяться в речи носителей языка и “приживается” – сохраняется в их долговременной памяти, превращаясь в новое узусное значение. И наоборот, если узусное значение перестает активно использоваться, оно забывается и исчезает из употребления.

Естественно задаться вопросом: зачем человеческому языку столь уникальное свойство, отличающее его от всех других знаковых систем, – использование своих единиц в окказиональных употреблениях? Наш ответ таков: затем, чтобы иметь возможность конечными средствами языка описывать бесконечное разнообразие окружающего мира. В сферу внимания человека постоянно попадают новые явления (объекты, действия, аспекты, состояния) видимого и мыслимого мира, и он должен иметь возможность описывать их известными ему языковыми средствами.

В свете сказанного становится понятным, что одна из главных проблем когнитивной теории семантики заключается в объяснении механизмов образования у языковых единиц новых, окказиональных употреблений. Отметим в связи с этим новаторские исследования Г. Пауля [9, с. 93–128], изучавшего в конце XIX века типы изменений лексических значений и механизмы, обеспечивающие эти изменения: метафору, гиперболу, литоту, эвфемизм, метонимию, иронию и др. Мы считаем, что из множества деривационных механизмов, выделенных Г. Паулем, главными являются механизмы образования метафор и метонимий. Применяя их к компонентам основного значения языковой единицы, представленной в виде дуальной структуры (2), носитель языка формирует все остальные значения, а также окказиональные употребления этой единицы.

Еще одно фундаментальное свойство, присущее некоторым языковым единицам, это диф-

фузность их значений. Данное явление, также требующее объяснения в рамках когнитивной теории семантики, свидетельствует о том, что в ряде случаев значения языковой единицы не только потенциально бесконечны, но и несчетны. Можно предположить, что это свойство служит носителю языка инструментом сопоставления очень близких, но не тождественных явлений.

Далее в статье более подробно излагается решение проблем I и II в применении к лексической (раздел 2) и грамматической семантике (разделы 3 и 4).

2. Семантика сенсорных слов

1. Структура лексических значений. В работах [2, 3, с. 7–104, 1] был проведен анализ лексических значений ряда сенсорных слов², типичные референты которых (предметы, действия, свойства) вполне эксплицитны – распознаются по внешнему виду без какого-либо участия контекста: типичный стол мы всегда отличим от типичного стула, типичный бег от типичной ходьбы и т.д. В результате проделанного анализа были получены две общие структуры, касающиеся семантики сенсорного слова.

Во-первых, была выявлена структура основного значения сенсорного слова:

(А) Основное значение = визуальный Прототип
← семантическое Ядро,

где прототип задает типичную визуальную (шире – перцептивную) характеристику референтов слова, а ядро – функциональную (каузальную, интенциональную) характеристику, присущую всем (а не только типичным) референтам. Эта

² Термин “сенсорное слово” нередко встречается в лингвистической литературе, ср.: “Семантический анализ показывает, что в это время (ребенку около полутора лет. – А.К.) в речи-источнике преобладают сенсорные – зрительные и тактильные – прилагательные... *белый, желтый... большой, маленький... кривой, круглый... веселый, грязный, красивый, молодой, чистый*” [10, с. 524]. Мы используем его в применении к словам, типичные референты которых распознаются на основе непосредственного чувственного восприятия (визуального, тактильного и др. модальностей). Например, к сенсорным относятся слова: *мяч, яблоко, собака, идти, кричать*, а к несенсорным – *идея, благодарность, руководить, замысливать* и под. Первенство в осознании важности класса сенсорной лексики принадлежит А.С. Шишкову, который более 200 лет назад писал: “Все известные нам вещи разделяются на видимые и невидимые, или иначе сказать, одни постигаемы чувствами, а другие разумом: *солнце, звезда, камень, дерево, трава* и проч. суть видимые вещи; *счастье, невинность, щедрота, ненависть, лукавство* и проч. суть вещи умственные, или разумом постигаемые” [13, с. 35].

структура представляет собой первый шаг в решении проблемы I – разработке специального языка для семантических дефиниций, см. Введение, п.1.

Во-вторых, на ряде примеров было показано, что структура лексической полисемии в первом приближении устроена следующим образом. Сенсорное слово имеет, как правило, одно основное значение (оно наиболее конкретно и наглядно, первым дается в традиционных толковых словарях) и ряд производных значений, представляющих собой метафоры и метонимии, образованные от основного значения. Иначе говоря, справедливо следующее утверждение:

(В) Структура значений сенсорного слова имеет вид: основное значение – множество производных от него значений (метафор и метонимий).

Структура (В) позволяет объяснить механизмы появления у слова новых значений и окказиональных употреблений. Иначе говоря, она представляет собой эксплицитное описание деривации лексических значений (проблема II).

Проиллюстрируем сделанные утверждения.

2. Примеры лексических структур (А) и (В).

Рассмотрим основные и производные значения слов *ударить*, *цель* и *тарелка*.

1) Основное значение глагола *ударить*. В качестве исходного возьмем толкование, приведенное в [11, с. 108]:

(3) *Х ударяет Y-а Z-ом* ≈ ‘Х резко и кратковременно приводит компактный предмет Z в контакт с предметом Y’.

Оно описывает исключительно визуальный прототип удара. Сходным образом толкуется основное значение английского коррелята:

(4) *hit – TOUCH SB/STH HARD; to touch someone or something quickly and hard with your hand, stick etc’*: *He raised the hammer and hit the bell* [12, с. 832].

Исключим из рассмотрения деятеля X, чтобы сосредоточиться непосредственно на основном значении глагола и его действиях-референтах. Тогда получим:

(5) *Предмет Z ударил по Y-у*: *Палка ударила по забору* ≈ ‘Компактный предмет Z резко и кратковременно пришел в контакт с предметом Y’.

Простой референциальный анализ показывает, что толкования (3)–(5) существенно неточны. В них недостает еще двух главных компонентов:

а) интерпретации контакта Z-а с Y-ом: ‘Y испытал мгновенный сильный толчок’, и б) каузального отношения (ПОЭТОМУ), связывающего эту интерпретацию с прототипом (‘Z пришел в контакт с Y-ом’). Дополненная дефиниция имеет вид:

(6) *Предмет Z ударил по Y-у* (основное значение):
Палка ударила по забору =

Прототип: Компактный предмет Z пришел в контакт с предметом Y резко, кратковременно и с громким звуком ←

Семантическое ядро: ПОЭТОМУ Y испытал мгновенный сильный толчок (= резко перешел из прежнего статичного в новое динамичное состояние “сотрясения”).

Здесь прототип представляет визуальное изображение типичного удара, а ядро задает характеристическое (необходимое и достаточное) свойство удара. Это свойство ненаблюдаемо: мы видим, что мяч от удара ногой начал (или ускорил) движение. Но причину этого явления (каузальную характеристику) мы видеть не можем. Она просто приписывается как интерпретация визуальному компоненту удара. Подчеркнем: определение (6) уже не является толкованием, поскольку его компоненты – прототип и ядро – суть специальные когнитивные понятия невербальной природы (динамическое визуальное изображение и его интерпретация). Поэтому мы опускаем одинарные кавычки, традиционно обозначающие языковые толкования.

Проверим точность дефиниции (6). Представим себе, что боксер выбросил вперед руку, целясь в подбородок соперника, но тот слегка отклонился назад и боксерская перчатка лишь коснулась его подбородка. К этому случаю вполне применимы толкования (3)–(5): перчатка боксера резко и кратковременно пришла в контакт с подбородком соперника. Однако в данном случае глагол *ударил* неприменим. Другой пример: соперник слегка отклонил голову в сторону и перчатка атакующего боксера скользнула по его скуле. И здесь толкования (3)–(5) справедливы, но употребить глагол *ударил* также нельзя. И в том, и в другом случае нет “сотрясения”, мгновенного сильного толчка.

По аналогичным соображениям, вполне корректно сказать *Камень ударил по забору*, но сомнительно *Камешек ударил по крепостной стене*, поскольку толчок для крепостной стены никак нельзя посчитать сильным. Здесь уместнее сказать *Камешек ударился о крепостную стену (и отскочил)*, подчеркивая, что именно камешек (а не стена) получил сильный толчок. В то же время вполне уместна фраза *Пуля ударила в крепостную*

стену. Другой пример. Волейболист, получив мяч у сетки, ударяет его рукой. Но баскетболист, получивший мяч в середине поля и быстро переправивший его нападающему, уже не ударяет по мячу, а бросает его. Здесь мяч получает сильный, но не мгновенный толчок.

2) Переносные значения глагола *ударить*. Покажем теперь, что (6) способно выполнять функцию, сформулированную в (В), – служить базой для образования производных значений этого глагола.

Первое производное значение является метафорой:

(7) Метафорическое значение глагола *ударить* = ‘действие, благодаря которому участник референтной ситуации резко переходит из прежнего обычного состояния в совершенно новое, предельное состояние’.

Эта метафора использует в качестве мотивирующего свойства характеристику из ядра (6): резко перешел из прежнего статичного в новое динамичное состояние “сотрясения”. В этой характеристике новое состояние “сотрясения” трактуется как пограничное, близкое к разрушению. Значение (7) позволяет объяснить восемь из девяти производных значений глагола *ударить*, перечисленных в [4, стб. 890–891], а также нескольких фразеологизмов. Перечислим эти значения с примерами и толкованиями из словаря, приложив к каждому из них наши объяснения – варианты метафоры (7) для первых восьми значений и метонимию для последнего, девятого значения.

1. *Ударили в весла* (начали грести). *Вторая рота ударила в штыки* (начала штыковую атаку) и *опрокинула горцев*. Л. Толстой. *Ударили в смычки* (начали играть).

Словарь: ‘Начать делать что-н.’.

Варианты метафоры (7):

1) ‘Резкий переход от пассивности к предельной активности’ (*ударить в весла / в штыки*).

2) ‘Резкий переход от обычного исполнения к предельно громкому’ (*ударить в смычки*).

Словарная формулировка ‘Начать делать что-н.’ слишком обща, ср. сомнительность фраз типа *Студенты ударили в учебники* (начали читать); *Прачка ударила в стирку* (начала стирать). Здесь действие чтения/стирки не является предельным.

2. *Дружно ударить на врага*.

Словарь: ‘Стремительно броситься, атаковать’.

Вариант 1) метафоры (7).

3. *Множество одуряющих запахов ударило в нос*. В. Катаев.

Словарь: ‘Подействовать на что-н.’

Вариант 3) метафоры (7): ‘Резкий переход от нейтрального к предельно острому обонятельному ощущению’.

4. *Ударить по водке* (выпить). *Ударить по селедке* (съесть ее).

Словарь: ‘Сделать что-н., заняться чем-н.’ (простореч. фам.).

Вариант 4) метафоры (7): ‘Резкий переход от нейтрального к предельно острому вкусовому ощущению’, ср. сомнительность фраз *Ударить по молоку / по каше*. Здесь новые вкусовые ощущения не являются предельно острыми.

5. *Яркий день ударил по глазам матери*. Короленко.

Словарь: ‘Попасть куда-нибудь’.

Вариант 5) метафоры (7): ‘Резкий переход от нейтрального к предельно дискомфортному от яркого света состоянию глаз’.

6. *Ударить по бюрократизму*.

Словарь: ‘Пресечь что-н. отрицательное’.

Вариант 6) метафоры (7): ‘Резкий переход от состояния процветания бюрократизма к состоянию его сильного ограничения’.

7. *Дороговизна ударила по покупателю*.

Словарь: ‘Причинить вред, ущерб кому-чему-н.’.

Вариант метафоры (7), аналогичный 6).

8. *Ударил мороз*. *Ударила гроза*.

Словарь: *перен.* ‘Настать, случиться’.

Вариант 7) метафоры (7): ‘Резкий переход от нейтральной к предельно дискомфортной погоде’.

9. *Ударить отбой*, *Ударить тревогу*.

Словарь: ‘Ударами обозначить что-либо’.

Метонимия: глагол называет смежное с ударом по времени (совпадающее с ним) событие.

Поясним метонимическое значение 9 на примере *Часы ударили полдень*. Здесь глагол *ударить* переносится на полдень по временной смежности (характерное свойство метонимии): удар часов и полдень наступают одновременно. Причем это совпадение запланировано и общезначимо. Можно возразить: словарное объяснение ‘Ударами обозначить что-либо’ гораздо проще. Пусть так, но не обращаясь к метонимии, очень трудно

объяснить, как это значение возникло? Почему, к примеру, сходные глаголы *колоть* или *рубить* не имеют такого значения – обозначать своим действием что-либо постороннее?

Итак, вместо девяти никак не связанных между собой, контекстно зависимых словарных значений глагола *ударить* мы предлагаем два простых и контекстно независимых производных значения, порожденных из основного значения (6): только что рассмотренная метонимия ‘событие, совпадающее по времени с ударом и ассоциативно связанное с ним’ и метафора (7) ‘переход в новое, предельное состояние’. Прокомментируем эту метафору. Во-первых, с ее помощью может порождаться множество окказиональных употреблений глагола, обусловленных появлением внешне новых, но типологически прежних референтных ситуаций. Во-вторых, ее использование объясняет причины появления диффузных значений типа *Ударить в штыки* (значение 1) и *Дружно ударить на врага* (значение 2). Эти значения близки, поскольку весьма сходны описываемые референтные ситуации. Заметим в заключение, что метафорическое значение (7) мотивировано ядром толкования (6) – компонентом, который вообще был опущен в приведенных выше толкованиях (3)–(5), взятых из словарей и из работ по научной лексикографии.

В этом же ключе объясняются переносные употребления глагола во фразеологизмах: *Кровь ударила в голову*; *Лицом в грязь не ударить*; *Ударил час*; *Ударить по рукам*; *Ударить челом*; *Ударить по карману*; *Ударился в бега* и др.

3) Основное и производные значения существительного *цель*.

Цель (основное значение) ≈

Прототип: Образ круга или какого-либо предмета (мишень) + Человек направляет ствол ружья или револьвера на этот круг или предмет при помощи мушки, расположенной на конце ствола (типичное действие)³ ←

Ядро: Человек хочет своим выстрелом попасть в данный предмет (мишень).

Прототип определяет облик типичного референта слова *цель* и типичное действие с ним, а ядро объясняет функцию референта и действия с ним. Приведем теперь полное толкование этого слова, взяв формулировку второго и третьего значений из [4, стб. 1211]:

³ Здесь не указаны другие виды действий: стрельба из лука, метание копья и пр., поскольку речь идет о типичном действии.

Цель (структура значений).

Основное значение.

Прототип: мишень ← Ядро: Человек хочет попасть в мишень.

1. Метонимия:

‘Мушка – небольшой выступ на конце ружейного ствола, используемый для прицеливания’ (*устар.*);

2. Метафора:

То, чего человек хочет достигнуть своим действием’.

Поясним образование обоих производных значений из приведенного выше основного значения. В первом значении имя *цель* метонимически переносится с мишени (основное значение) на мушку. Смежность мушки и мишени (характерное условие метонимического переноса) здесь не совсем обычная: это временное совмещение их на линии прицела. Во втором значении мотивирующим метафору свойством становится ядро: “Человек своим выстрелом хочет попасть в мишень”. Слово *цель* в этом значении называет сходное, но более общее свойство, присущее любому целенаправленному действию: ‘то, чего человек хочет достигнуть своим действием’. Как мы видим, только строгое разделение прототипа и ядра позволяет объяснить образование производных значений.

Замечание. Естественность для человеческого языка такой организации полисемии подтверждается, в частности, ее наличием в языке глухих. Как пишет Л.С. Выготский:

“...в языке глухонемых зуб может иметь три различных значения. Он означает белый, камень и зуб. Эти различные названия связаны в один комплекс, который в своем дальнейшем развитии требует присоединения еще указательного или изобразительного жеста, чтобы определить предметную соотнесенность данного жеста {...} Глухонемой показывает зуб, а потом, указывая на его поверхность или изображая рукой бросание, указывает на то, к какому предмету должно быть отнесено данное слово” [14, с. 166].

Здесь самостоятельный (внеконтекстный) жест “зуб” имеет основное значение ‘зуб’ – оно не требует дополнительных поясняющих жестов. Два другие значения являются производными. Значение ‘белый’ метафора (мотивирующее свойство “белый” – цвет прототипического зуба), а ‘камень’ – метафоро-метонимическое значение. Здесь метафора – жест “зуб” – называет нечто твердое (она мотивируется свойством ‘твердость зуба’), а метонимия – указание на камень жестом “кидать” – мотивируется пространственной

смежностью и функциональной связностью камня с бросающей его рукой.

4) Основное и производные значения слова *тарелка*.

Тарелка (основное значение) =

Прототип: круглый плоский предмет с приподнятыми краями (прототип референта) + из него человек ложкой или вилок кладет в рот небольшие порции помещенной в него пищи (типичное действие с референтом) ←

Ядро (примерно): емкость, изготовленная для того, чтобы в нее непосредственно перед употреблением помещалась порция готовой пищи (жидкой или твердой) для одного человека, чтобы он съел ее.

Поясним кратко это значение. Прототип задает форму типичного референта слова *тарелка* и типичного действия с ним. Ядро (каузальная характеристика референта) объясняет функцию референта и причину типичного действия с ним: человек обособляет свою порцию пищи, чтобы съесть ее определенным образом – перемещать в рот небольшими частями и съедать их. С одной стороны, с помощью ядра отклоняются предметы, удовлетворяющие прототипу. К примеру, сковорода без ручки имеет форму тарелки, и, более того, человек может есть из нее, скажем, поджаренную яичницу. Но назвать сковородку тарелкой нельзя, поскольку ядро требует, чтобы в емкость помещалась “порция готовой пищи”. С другой стороны, благодаря ядру мы называем словом тарелка предметы, не соответствующие прототипу или типичному действию с ним. Например, а) блины могут подаваться на совершенно плоской одноразовой тарелке, б) в походе нередко печеный картофель берут из тарелок не вилками, а пальцами.

Тарелка (структура значений).

Основное значение.

Прототип: круглый плоский предмет с приподнятыми краями ←

Ядро: емкость для порции готовой пищи для одного человека.

Метонимии:

1. ‘Содержимое тарелки’. *Две тарелки съел*;
2. ‘Объем тарелки’. *Миска в три тарелки*.

Метафоры:

3. ‘Плоская медная пластина ударного музыкального инструмента’;
4. ‘Неопознанный летающий объект округлой формы’. *Летающая тарелка*;

5. ‘Спутниковая антенна в форме тарелки’;

6. ‘Механическая деталь, имеющая вид плоского диска’. *Тарелка клапана*.

Все метафоры мотивированы прототипом основного значения (типичным обликом тарелки), а метонимии – пространственной смежностью тарелки и помещенной в нее пищи (подробно значения слова *цель* и *тарелка* рассмотрены в [1, с. 292–96]). К приведенным узуальным значениям прибавляется большое количество окказиональных употреблений – метафор, мотивированных формой тарелки. Словом *тарелка* можно назвать шляпу с плоскими краями, сходной формы люстру, абажур лампы, циферблат настенных часов и т. д.

Далее мы покажем, что во множестве грамматических единиц также имеются сенсорные единицы и для них справедливы структуры (А) и (В). А именно: основное значение сенсорной грамматической единицы имеет вид (А) и структура ее полисемии – вид (В). Иначе говоря, в структурном и генетическом плане лексические и грамматические значения сенсорных единиц языка неразличимы. Справедливость данной гипотезы для глагольной переходности будет рассмотрена в разделе 3, а для залога – в разделе 4.

3. Значение глагольной переходности

1. Прототипичный сценарий переходности

А. Вежбицкой. Уже довольно давно сложилась традиция давать синтаксической характеристике глагольной переходности – способности глагола присоединять прямое дополнение “семантическую трактовку” (см. работу [15] и библиографию в ней). Здесь мы коснемся направления исследований, нацеленного на определение прототипичного переходного события, или сценария. Это направление представлено в работах Д. Слобина, Т. Гивона и А. Вежбицкой [16; 17, с. 565; 18, с. 420]. Например, А. Вежбицкая, солидаризуясь с трактовкой Т. Гивона, пишет:

«В моих терминах прототипичный переходный сценарий может быть представлен следующим образом:

(61) в некое время некто делал (сделал) нечто с чем-то

из-за этого

нечто произошло с этим чем-то в это же время этот человек хотел этого (чтобы это произошло).

Конечно, “транзитивные предложения” не обязаны удовлетворять всем аспектам этого сценария, но отклонение от любого из них скорее всего приведет

к снижению степени синтаксической переходности (проявляющейся в приписывании падежа, способности к пассивизации и т.д.) [19, с. 158].

При внимательном рассмотрении эта, в общем, понятная формулировка порождает ряд вопросов. Например, что означают слова “нечто произошло”? Если некто *ударил по мячу* ногой, то “произошло нечто” с мячом или нет? Если произошло, то почему глагол *ударил* употреблен в непереходном значении? Или, если мальчик *читает книгу*, происходит что-то с книгой или не происходит? Если не происходит, то почему употреблен переходный глагол?

2. Основное значение переходности. В нашем определении глагольной переходности вводятся два понятия: прототип – видимые (объективные) изменения объекта, вызванные контактными действиями Агенса, и ядро (интерпретация), указывающее, что изменения объекта, как видимые, так и невидимые, порождаются Агенсом, важны для него и являются его целью. Например, если агроном *измеряет поле*, оно в его глазах изменяется, обретает новую важную характеристику – величину площади. Поэтому употребление переходного глагола здесь уместно, хотя никаких видимых изменений с полем не происходит. Тем самым мы относим переходность к классу сенсорных единиц.

Итак, наше определение семантической переходности содержит два компонента разной природы: прототип – он сходен с трактовкой А. Вежицкой и отражает типичные случаи (сценарии) переходности – и ядро, описывающее интерпретацию действий Агенса, присущую всем (а не только типичным) случаям переходности. Именно ядро задает критерий семантической переходности глагола.

(Т) Глагольная переходность (основное значение) =

Прототип: Агенси осуществляет видимое действие В КОНТАКТЕ с прямым объектом, с которым синхронно происходят видимые изменения ←

Ядро: Агенси осуществляет действие, ПОЭТОМУ с прямым объектом синхронно происходят существенные для Агенса изменения, являющиеся его целью.

Этим определением мы относим глагольную переходность к классу сенсорных единиц. Отметим связи свойств прототипа и ядра в (Т). Во-первых, отношение “Агенси В КОНТАКТЕ с прямым объектом” является манифестантом отношения каузации “Агенси осуществляет действие, ПОЭТОМУ с прямым объектом происходят изменения”. Напомним, что согласно экспериментам А. Лесли, уже 7-месячные младенцы интерпретируют столкновение (контакт) движущегося шара с неподвижным шаром как причину, вызвавшую движение неподвижного шара, см. также

[39, с. 89]. Во-вторых, видимое изменение прямого объекта является манифестантом объективной (а не только для Агенса) значимости его изменений. Оба эти свойства типичны для глаголов, обозначающих контактные физические действия Агенса с объектом, производящие в объекте видимые изменения: *грузить, мыть, красить, рубить* и пр., ср.

«...в приведенных выше трех объектных синтагмах (*взял топор, срубил дерево и построил дом*) роли аргумента... различаются по многим признакам (и это различие может быть лингвистически существенным), но с точки зрения русского языка в них усматривается больше общего, чем различий: все эти три роли соответствуют “объекту” (или “пациенсу”), который является конечной точкой приложения энергии со стороны сознательного деятеля (“агенса”) и с которым в результате этого происходят наблюдаемые физические изменения» [20, с. 114].

Некоторые изменения объекта (его разрушение, изменение формы и др.) объективно важны для человеческих этносов, поэтому соответствующие классы глаголов (*раздавить, убить*) являются переходными во многих языках [15]. В этом отношении интересно ведет себя русский глагол *ударить*. В русскоязычном этносе сотрясение предмета, вызванное ударом по нему, не трактуется как важное изменение предмета, поэтому во фразах типа *Иван ударил по мячу ногой / по забору палкой* употребления глагола *ударить* имеют непереходное значение (если удар разрушил предмет, то употребляется переходный глагол: *Иван ударил по тарелке и разбил ее*). В случае же, когда удар получает человек или животное, глагол употребляется как переходный, ср.: *Иван ударил Петра/собаку*. Здесь изменения Пациенса (он испытал боль) трактуются как важные.

В ряде случаев важность изменений объекта, производимых Агенсом, имеет субъективный статус. Если говорящий трактует такие изменения как существенные, то он употребляет переходный глагол, а если как несущественные, то – непереходный. Например, сестра жалуется матери на брата: *Он меня обрызгал водой* (для нее изменения важны). Ответ брата, по мнению которого эти изменения несущественны: *Да я брызнул на нее всего пару раз*.

Многие переходные глаголы обозначают изменения объекта, которые уже по своей природе носят субъективный характер – значимы не для всех. Например, в предложении *Иван освещает дорогу фонариком* наблюдаемое действие Агенса “освещает”, строго говоря, не изменяет дорогу. Однако для Ивана дорога очевидным образом изменяется, поэтому данное употребление удовлетворяет ядру из дефиниции (Т). Аналогичным образом объясняется переходность

фразы *Мальчик читает книгу*. Здесь изменения, происходящие с книгой, значимы только для читающего мальчика: для него уже прочитанная часть книги отличается от этой же, но еще непрочитанной части. Ср. также употребления: *Иван смотрит на книгу* (направление его взгляда фиксировано – изменений с книгой не происходит) и *Иван смотрит книгу* (пролистывает, знакомясь с ней, – книга изменяется для него). Аналогично, *разглядывать картину* – перемещать взгляд, смотреть на нее с разных сторон и получать о ней новую информацию, изменяющую ее в глазах разглядывающего, точно так же – *анализировать картину*. А употребление *всматриваться в картину* указывает лишь, что субъект пристально смотрит на нее. При этом неизвестно, усмотрел ли он в ней что-то новое или нет.

3. Производные значения переходности. До сих пор мы приводили примеры употреблений переходных глаголов в основном значении – обозначаемые ими ситуации удовлетворяли ядру из определения (Т). Рассмотрим теперь метафорические и метонимические значения глагольной переходности.

Обратимся к переходным глаголам состояния. Рассмотрим фразу *Маша пожалела бездомного*. Она дает пример метафорического значения переходности, не отвечающего ядру из (Т). Здесь глагол называет не действие Маши, а смену ее состояний. Кроме того, семантические роли аргументов глагола изменились: Маша не Агенс, а Экспериментер (воспринимает визуальную и акустическую информацию); бездомный – не Пациент, а Стимул (источник информации для Маши). Вместе с тем бездомный в глазах Маши изменился – стал вызывать у нее жалость. На этом сходстве и основана метафора, образованная от основного значения (Т). Как мы видим, в метафорическом значении переходности важные свойства основного значения утрачиваются⁴.

⁴ Это типично для метафоры. В метафорической фразе *Иван бежит на месте* нет важнейших свойств бега – перемещения Ивана и его стремления к достижению пространственной цели. Метафорическое употребление *бежит* мотивировано исключительно внешним сходством бега на месте с обычным бегом. Этот пример служит хорошей иллюстрацией возможностей, которые язык предоставляет его носителю, образования окказиональных употреблений языковых единиц – для обозначения ими нового содержания. Общность внешнего вида действия служит мотивом для именованного далекого от бега действия – “быстро переступать ногами на одном месте” глаголом *бежит* (с подходящим контекстом: *бежит на месте*). Сказанное, однако, не означает, что метафоризация не имеет границ. Далеко не всякий объект-цель, схожий с объектом-источником, можно метафорически назвать именем источника. Например, льва или тигра можно назвать кошкой, но волка нельзя назвать собакой, ложку нельзя назвать вилок и т.д., см. также [1, с. 291, 318–323]. Строгим правилам подчиняется и образование метонимии, см. замечание в п. 1 раздела 4.

Естественно спросить: а как объяснить переходность глагола состояния *Маша жалеет бездомного*, где никакого изменения не происходит? Ответ не сложен: это метонимическое значение переходности [21, с. 47]. Глагол *жалеет* называет конечное состояние процесса “пожалел” – перехода от одного состояния к другому, ср: *Вода наполняет ванну* (процесс) и *вода наполняет ванну* (конечное состояние – ванна наполнена) – метонимия. Здесь вообще никаких изменений с бездомным не происходит. Поэтому данное употребление переходности предельно далеко от основного значения (Т). Однако механизм метонимии позволяет носителю языка не изображать новых языковых единиц для обозначения финального состояния Маши, а использовать уже имеющиеся средства: глагольную переходность и механизм метонимии.

Итак, согласно дефиниции (Т), глагольная переходность является сенсорной единицей и ее значение имеет структуру (А), а согласно пп. 2 и 3, структура ее значений удовлетворяет формуле (В).

4. Заключение. “Списочный” подход к описанию языковых значений не позволяет объяснить механизмы образования у языковой единицы новых значений и окказиональных употреблений. Между тем именно этот подход царит в описании залога, представляя его семантику в виде списка двух-трех десятков значений, как правило, не связанных между собой, см. об этом также в [22, с. 262–263]. В следующем пункте мы попытаемся представить это множество значений в виде разветвляющейся цепочки, звенья которой связаны метафорическими и метонимическими переходами, см. табл. 1.

4. Основное и производные значения залога. Система значений постфикса -сь/ся

1. Когнитивный анализ залоговых значений. Залоговым значениям посвящена большая литература, см. библиографические обзоры в [20, с. 223–227; 23, с. 435–436] и краткую историю вопроса в [24, с. 368–369]. Залог традиционно определяется как соотношение структуры семантических ролей (Агенса, Пациенса и др.) аргументов глагола со структурой их синтаксических ролей (подлежащее, прямое дополнение и пр.). Например, в действительном (активном) залоге переходного глагола Агенс обозначается подлежащим, а Пациент – прямым дополнением (*Маша причесывает куклу*). В страдательном залоге (пассиве) те же семантические роли

обозначаются иначе: Пациенс – подлежащим, а Агенс – косвенным дополнением (*Кукла причесывается Машей*). Наконец, в возвратном залоге (рефлексиве) обе семантические роли совмещаются и обозначаются подлежащим (*Маша причесывается*). Другой подход опирается на понятие “коммуникативный ранг” глагольного аргумента, см., например, [20, с. 187–188].

Суть излагаемого ниже когнитивного подхода заключается в следующем. Среди множества явлений окружающего мира, значимых для успешной жизнедеятельности человека, пожалуй, важными являются происходящие в мире изменения. Поэтому при адаптации к окружающей действительности центральное место для человека играют восприятие и классификация наблюдаемых изменений, происходящих с живыми существами, предметами, сыпучими веществами, жидкостями, элементами ландшафта и пр. На наш взгляд, значения актива (действительного залога), пассива (страдательного залога) и рефлексива (среднего залога) отражают три самых общих типа изменений, происходящих с субъектом действия. Актив отражает независимые изменения субъекта (*Мальчик моет машину*), пассив – зависимые изменения (*Машина моется*), а рефлексив – независимые и зависимые изменения, одновременно происходящие с субъектом (*Мальчик моется*).

Условимся считать дихотомию независимые vs. зависимые изменения объекта исходной для человека. Мы полагаем, что человек, воспринимая изменение, происходящее с объектом, моментально идентифицирует его, относя либо к категории независимых (например, человек бежит, падает, ест, машет рукой), либо к категории зависимых, порожденных непосредственным воздействием на объект других изменений (камень нагревается: солнечные лучи освещают камень, ПОЭТОМУ он нагревается; парусник движется: ветер дует в парус, ПОЭТОМУ парусник движется). Можно предположить, что способность человека различать независимые и зависимые изменения является видоспецифической, не зависящей от языка. Она появляется у младенца на первом году жизни и далее постоянно совершенствуется.

Замечание. Детская картина физического мира. Дети очень рано начинают понимать и употреблять глаголы физического действия и положения в пространстве *ударить*, *толкнуть*, *падать*, *брать*, *стоять*, *висеть*, *бежать* и др. Между тем их значения содержат нетривиальные семантические компоненты. К примеру, в значении глагола

ударить содержатся компоненты, отражающие недоступные восприятию характеристики: силовое взаимодействие соударяющихся предметов (“один предмет передает силу движения другому предмету”) и связывающее их каузальное отношение (“ПОЭТОМУ другой предмет приходит в состояние движения или сотрясения”). Точно так же для понимания глаголов *падать*, *стоять* у ребенка должны сформироваться представления о невидимой силе тяготения, о наличии у неподвижного предмета опоры, о положении центра тяжести предмета, об условиях его падения и пр.

Естественно задаться вопросом: как и когда ребенок усваивает все эти знания? Когнитивные исследования последних десятилетий (см. библиографию в [3, с. 139–144]) свидетельствуют о том, что уже на первом году жизни младенец приобретает весьма разнообразные и детальные знания о предметах, живых существах и их физических взаимодействиях друг с другом. Так, с середины первого года жизни младенец начинает различать неживые объекты и живые существа. Он уже понимает, что в отличие от людей и животных физические предметы не способны к самодвижению (например, начать движение без внешнего воздействия другого предмета, резко остановиться в отсутствие препятствия) и не могут двигаться целесообразно: огибать препятствия, останавливаться перед ним и возвращаться назад и т.п.

Коснемся для примера процесса поэтапного понимания ребенком столкновения предметов. Младенцы 2.5 месяцев считают, что если шар скатывается с пологой горки и ударяет в стоящий под горкой предмет, то тот должен переместиться даже в случае, если шар очень маленький, а предмет очень большой. Но младенцы 6-ти месяцев понимают это взаимодействие значительно лучше. Они уже знают, что чем больше шар, тем дальше должен перемещаться предмет, и наоборот. В серии дополнительных экспериментов было также показано, что с 7-ми месяцев младенцы понимают действие “прямой толчок”: они воспринимают два последовательных движения двух столкнувшихся дискретных тел как “прямой толчок”, т. е. как два движения, связанных причинно-следственным отношением [25; 26, с. 177–178].

Формирование дихотомии “независимые vs. зависимые изменения” базируется на способности человека выделять пары наблюдаемых изменений, связанных каузальным отношением: Изменение 2 происходит, ПОТОМУ ЧТО происходит Изменение 1 (неподвижный шар 2 начал движение, ПОТОМУ ЧТО катившийся шар 1 столкнулся с ним). Изменение 2

называется зависимым. Если при этом нет какого-то Изменения 0, непосредственно каузирующего Изменение 1, то последнее называется независимым. Оно может быть как одиночным (не порождать другое, зависимое изменение), так и двойным – быть причиной другого, зависимого изменения.

В языке одинарные изменения описываются непереходными глаголами (*человек бежит / падает, ветер дует*), а парные изменения – переходными (*человек режет хлеб / взял книгу / уронил нож*). Последний тезис требует пояснения. Действие “Иван режет хлеб ножом” содержит два отдельных действия, связанных каузальным отношением:

(С) Иван режет хлеб ножом = Иван контактно двигает лезвие ножа по хлебу (независимое действие), ПОЭТОМУ хлеб в месте контакта с ножом делится на две части (зависимое действие).

Как мы видим, это не одно, а два каузально связанных действия. Однако они, как и одинарное действие, обозначаются одним глаголом. Возможно, поэтому у носителя языка складывается ложное впечатление, что (С) – это тоже одно действие Ивана, которое “переходит” на хлеб.

Согласно современной точке зрения, глагол-сказуемое является главным членом предложения, определяющим его референтную ситуацию. Следуя более ранней традиции [23, с. 88–89], мы будем считать, что обозначающую предложением ситуацию определяет его предикативное ядро: существительное-подлежащее и глагол-сказуемое. В таком случае залоговое значение глагола указывает на тип изменений субъекта – референта подлежащего. Во фразе *Иван убирает урожай* с Иваном происходит независимое действие (актив), а во фразе *Урожай убирается Иваном* с урожаем происходит зависимое действие (пассив).

Имеется еще одна категория изменений, которая относится главным образом к человеку. Это самоизменения: человек осуществляет некоторое независимое действие, обращая его на самого себя и производя в себе зависимые изменения (мальчик провел лезвием ножа по пальцу, ПОЭТОМУ из его пальца пошла кровь). Эти изменения субъекта выражает глагол-сказуемое в возвратном значении: *Мальчик порезался ножом* (рефлексив).

Тем самым возвратное залоговое значение задает еще один тип изменений субъекта предиката (в другой терминологии – участника, имеющего высший коммуникативный ранг). Итак, введенным выше трем категориям изменений соответствуют три залоговых значения:

1) актив фиксирует, что с субъектом действия происходят независимые изменения: *Иван бежит, Река*

течет, Маша причесывает куклу, Ветер сорвал крышу, Клоун размахивает картонным мечом;

2) пассив фиксирует, что с субъектом действия происходят зависимые изменения: *Кукла причесывается Машей, Дом разрушается, Ворюшка наказывается плетью;*

3) рефлексив фиксирует, что с субъектом действия одновременно происходят два изменения: независимое и каузируемое им зависимое. Иначе говоря, субъект самоизменяется (изменяет себя): *Маша причесывается.*

Предложенные трактовки имеют универсальный, внелингвистический статус, поскольку апеллируют к сугубо когнитивным понятиям – типам изменений предмета или одушевленного существа. Благодаря этому мы получаем единую понятийную основу для межъязыковых сравнений залоговых значений. Сказанное позволяет также утверждать, что актив, пассив и рефлексив являются сенсорными единицами.

2. Основное и производные значения постфикса -сь/ся. Наша дальнейшая цель – проанализировать круг значений возвратного постфикса -сь/ся и показать, что все они суть метафоры и метонимии, происходящие (непосредственно или опосредованно) от рефлексива – основного (или исходного) значения для них, см. табл. 1. Тем самым будет показано, что полисемия значений постфикса -сь/ся имеет структуру лексической полисемии: “основное значение → производные значения”, см. (В) в п. 1. При этом сам рефлексив оказывается производным (метонимией) от актива.

Таблица 1. Структура полисемии постфикса -сь/ся

рефлексив (<i>мыться, кутаться</i>) – основное значение	
производные значения от рефлексива	
метафоры	метонимии
↓	↓
автокаузатив (<i>возвращается</i>), хабитуальный имперсонал (<i>собака кусается</i>), косвенно-результативный рефлексив (<i>отоспался</i>), пассив (<i>дом строится плотником</i>)	объектный имперсонал (<i>Маша убирается</i>), рефлексивный бенефактив (антипассив) (<i>запасается</i>), рефлексивный каузатив (<i>стрижется у парикмахера</i>), реципрок (<i>сражается</i>)
метафоры от пассива	
↓	
декаузатив (антикаузатив) (<i>разбился</i>), безличный модальный пассив (<i>мне легко работается</i>)	

В процессе анализа мы будем ориентироваться на традиционные описания значений этого постфикса [27; 28] и в особенности на подход А. А. Шахматова [29] к изучению семантики возвратной формы глагола, о котором Виноградов писал, что это “самая блестящая и плодотворная часть шахматовского учения” [28, с. 629]. Результаты анализа мы будем также соотносить с современными исследованиями (А. Вежицкой, Ю.П. Князева, А.Б. Летучего, В.А. Плунгяна и др.).

3. Актив (действительный залог) переходного глагола. Рассмотрение значений постфикса *-ся/сь* следует начать с определения основного значения актива переходного глагола – как источника всех остальных значений. Приведем упрощенную конкретную дефиницию. В ней второе толкование имеет принципиальное значение: оно дает эксплицитное определение выражения “действие Агенса переходит на Пациенса”.

(1) *Мальчик моет машину* (действительный залог, актив) = переходный глагол в активе обозначает ситуацию, в которой

субъект в роли Агенса осуществляет независимое и целенаправленное действие; оно переходит на прямой объект в роли Пациенса и изменяет его =

субъект в роли Агенса осуществляет независимое и целенаправленное действие, ПОЭТОМУ с прямым объектом в роли Пациенса синхронно происходят существенные изменения.

4. Рефлексив (возвратное значение): *мыться, кутаться, бриться*. Большинство исследователей трактуют возвратность как выражение “особого типа кореферентности, а именно полного или частичного совпадения объекта действия (или другого актанта) с субъектом” [30, с. 246], см. также [31, с. 6; 17, с. 628]. Это чисто синтаксическая характеристика. А. Вежицкая в монографии [18, с. 415] (русский перевод [19, с. 151]) дает семантическое описание возвратности:

«Я предполагаю, что прототипическое значение, которым на подсознательном уровне пользуются лингвисты в своем реальном употреблении термина “возвратность”, может быть представлено следующим образом:

(R) В некое время некто сделал нечто

из-за этого

нечто произошло с этим человеком в то же самое время».

Предлагаемое ниже определение (2) сходно с (R). Важная его особенность заключается в трак-

товке значения возвратности как метонимически производного от значения актива (1).

(2) *Мальчик моется* (рефлексив – метонимия от актива) = глагол с постфиксом *-ся* в рефлексиве обозначает ситуацию, в которой

субъект в роли Агенса осуществляет независимое и целенаправленное действие, которое переходит на него же, выступающего также в роли Пациенса, и изменяет его =

субъект в роли Агенса осуществляет независимое и целенаправленное действие, ПОЭТОМУ с тем же субъектом, выступающим также в роли Пациенса, синхронно происходят зависимые изменения.

Зададимся вопросом: почему мы легко понимаем, что в данном случае подлежащее называет не только субъект (Агенса), как в (1), но и прямой объект? Ответ “потому, что они физически объединены в одном человеке” не годится. Ведь во фразе *Мальчик моет себя* они объединены точно так же, однако мы понимаем ее традиционно: субъект (мальчик) и прямой объект (себя) независимы, разделены и именуются соответственно подлежащим и прямым дополнением. Этот факт свидетельствует о том, что ролевое различие участников превалирует над их физическим тождеством. Мы считаем, что в основе нашего понимания фразы *Мальчик моется* лежит универсальный механизм образования метонимии. Подлежащее в этой фразе метонимически называет сразу двух участников, различных по своим ролям, но тесно взаимодействующих и физически совмещенных. Это аналогично тому, как во фразе *Иван целую тарелку съел* словоформа *тарелку* в метонимическом значении также называет два функционально различных, но тесно взаимодействующих и контактно связанных объекта: тарелку и ее содержимое.

Замечание. Метонимию обычно определяют как перенос имени по пространственной или временной смежности [21, с. 47]. Данного требования, однако, недостаточно. Необходимо еще, чтобы между исходным и смежным с ним объектом существовало общезначимое функциональное взаимодействие, связывающее оба объекта. Например, употребить слово *тарелка* в метонимическом значении *Я съел тарелку сыра* можно лишь в случае, когда сыр заполняет тарелку мелкими кусочками, принимая ее форму. Если тот же сыр лежит в ней одним-двумя большими кусками, это употребление утрачивает корректность. Сыр, порезанный мелкими кусочками, функциональ-

ное взаимодействие с тарелкой образует, а сыр, лежащий в ней одним куском, – нет.

Еще одна особенность предложения с возвратным глаголом заключается в том, что с утратой прямого дополнения оно лишается средства для указания той области Агенса, которая охватывается действием. Поэтому понимание возвратного значения глагола опирается на знание типичной области воздействия агенса на себя. Если таких областей несколько, приоритет по умолчанию отдается наибольшей из них. Предложение *Мальчик моется* по умолчанию (без эксплицитных уточнений или без особой ситуационной поддержки) указывает, что моется ‘все тело’. Поэтому предложение *Мальчик моет руки* не имеет возвратного значения. Аналогично, фраза *Мужчина бреется* (в референтном значении) по умолчанию означает, что мужчина бреет лицо. Если человек лыс и отращивает бороду, периодически брея только шею, то он может сказать *Я бреюсь* (= брею свою шею), но только своим близким, для которых такое его бритье стало нормой. Сказанное объясняет, почему сомнительно сказать *Женщина бреется* или *Иван чистится* – остается неясной конкретная область приложения действия. Например, Иван может чистить и туфли, и костюм, и зубы. Фраза *Иван красится* более понятна: скорее всего, Иван красит свои волосы.

5. Пассив (страдательный залог): *машина моется, белье сушится, дом строится плотником* (пример из [27, с. 48]). Рассмотрим сначала функцию пассива в сопоставлении с активом. Приведем сначала точку зрения, изложенную в монографии В. А. Плунгяна. Сравнивая предложения:

(а) *Большинство теоретиков отвергло этот аргумент.*

(б) *Этот аргумент был отвергнут большинством теоретиков,*

он отмечает, что отличие между ними “состоит в том, что в варианте (а) говорящему, скорее всего, нужно сделать некоторое утверждение *про теоретиков*, тогда как в варианте (б) утверждение *про аргумент*. <...> У этого прагматического отличия есть и соответствующий формальный коррелят: в предложениях (а) и (б) разные подлежащие” [20, с. 183, 187], о функциях пассива см. также [23, с. 417–422].

Соглашаясь с приведенным рассуждением, мы хотели бы отметить следующее. Пассив предназначен, чтобы констатировать некоторое (промежуточное или финальное) динамическое состояние Пациенса, а именно: ‘Пациенс

находится в состоянии изменений, порожденных действием некоего Агенса (обычно неизвестного или отсутствующего в момент наблюдения)’. Поясним это утверждение. Предположим, человек обратил внимание, что недавно грязная машина стала чистой. Понятно, что машину кто-то вымыл, но кто – он не знает. Пассив позволяет сообщить только увиденный результат (итоговое состояние машины): *Машина вымыта*, не указывая при этом исполнителя действия. Аналогично можно сказать *Машину вымыли*. Но здесь уже фиксируется не состояние – ‘чистая машина’, а переход в это состояние. Другой пример. Если мы заметили, что строительство дома продвинулось (ни строителей, ни архитектора мы не видим и не знаем), можно зафиксировать этот промежуточный результат, сказав *Дом строится*.

Проиллюстрируем сказанное на употреблении глаголов в текущем значении⁵. Здесь различие между активом, обозначающим наблюдаемое действие агенса, влекущее изменение пациенса, и пассивом, обозначающим наблюдаемое состояние изменения пациенса, особенно заметно. Ср. неестественность фразы: *Машина моется мальчиком* в ситуации, когда Агенса и его действие непосредственно наблюдается и идентифицируется: это мешает трактовать мытье машины как ее состояние. При этом фраза *Машина моется* в той же ситуации вполне нормальна. Однако она обозначает состояние машины (‘находится в мойке’), а не текущие изменения, вызываемые действием “мыть”.

Аналогично, фраза *Дом строится рабочими* корректна только потому, что глагол *строить* здесь употреблен не в текущем, а в актуальном значении – мы не можем сразу удостовериться, что наблюдаемые изменения, которые рабочие осуществляют с домом, это именно строительство, а не перестройка, к примеру. Для такой уверенности нам нужно наблюдать состояние дома на нескольких разнесенных во времени интервалах. Однако как только мы смоделируем ситуацию с текущим распознаванием действия “строить” и соответственно текущим употреблением данного глагола: *Мальчик строит дом* (из кубиков), фраза

⁵ Разумно полагать, что именно текущие употребления глаголов, используемые для обозначения “здесь и сейчас” происходящих и непосредственно воспринимаемых “явлений”, являются исходными, или основными – служащими базой для образования других аспектуальных значений глаголов (актуальных или фоновых, типа *строить дом, писать роман* и под., см. об этих значениях в [1, с. 308–309]). Заметим, что подобным же образом Т. Гивон использует текущие употребления глагола для определения прототипического события глагольной переходности [17, с. 565].

³*Дом строится мальчиком* становится не вполне естественной.

Значение пассива мы считаем метафорически производным от рефлексива. Основанием для этого служит следующее их сходство: и в том, и в другом случае Пациенс является субъектом предиката (обозначается подлежащим) и претерпевает зависимые изменения.

(3) *Машина моется, дом строится плотником* (пассив – метафора от рефлексива) = ‘Субъект предиката, выступающий в роли Пациенса, находится в состоянии зависимого изменения, производимого независимым действием другого участника ситуации – Агенса или Причины⁶’ = Субъект предиката, выступающий в роли Пациенса, находится в состоянии зависимых изменений, ПОТОМУ ЧТО другой участник ситуации (Агенс или Причина) производит независимое действие.

А.А. Шахматов отмечает группу глаголов, имеющих страдательное значение при одушевленном субъекте: *обвиняется, штрафуются, наказываются, обличается, вызывается* и т. д. – по-видимому, те глаголы, которые своим производителем имеют неопределенный коллектив, в отношении которого отдельная личность может стать объектом [29, с. 95–96]. Для них остается справедливым толкование (3), только в качестве производителя действия здесь выступает третья сила: не Агенс или Причина, а Коллектив, с которым субъект связан какими-то социальными отношениями.

6. Метафорические значения постфикса -ся (метафоры от рефлексива и пассива). Ниже дан анализ метафорических значений возвратной частицы -сь/ся.

6.1. Автокаузатив (обще-возвратное значение): *возвращается, убирается, останавливается, прогуливается, катается, бросается, несется, появляется, отличается, оборачивается, наклоняется, вырывается*. В.А. Плунгян и А.А. Шахматов дают разные описания этого значения:

...автокаузатив обозначает “агентивную” ситуацию, но... лишенную внешнего агенса... автокаузатив является результатом устранения агенса из структуры *каузатор + агенс*. Получившаяся в результате такого преобразования ситуация по-прежнему является агентивной, однако ее

единственный участник... действует уже “сам по себе”, а не под влиянием какого-либо внешнего источника [20, с. 212];

...действие глагольного признака имеет своим объектом личность самого субъекта, причем, однако, субъект, оставаясь фактическим производителем действия, не мыслится таковым; он только объект...⁷ [29, с. 93].

Сосредоточимся на трактовке Шахматова и постараемся понять, почему производитель действия мыслится только как объект, а роль агенса им утрачивается? На наш взгляд, дело в том, что перечисленные глаголы называют действия субъекта, обусловленные не столько его собственной целью, сколько какими-то внешними обстоятельствами, понуждающими его выполнять это действие. Глагол *убраться* (в значении ‘удалиться’) употребляется в ситуации, когда субъект хоть и прикладывает свои силы, чтобы покинуть данное место, но делает это не по своей воле, а под давлением внешних обстоятельств, т.е. выступает фактически в роли объекта. Аналогичная ситуация и с употреблением глагола *прислониться* (к стене): субъект контролирует это действие, но оно обусловлено внешними причинами, его усталостью или стремлением занять небрежную позу и пр. Точно так же употребляются глаголы *останавливается, бросается* (на врага), *наклоняется, оборачивается* и др. Например, мальчик, подошедший к переходу и увидевший красный сигнал светофора, останавливает себя не по своей воле, а под влиянием внешних обстоятельств. Он также может остановиться, услышав, как кто-то его зовет, и пр. Можно возразить: мальчик мог остановиться просто так. Но это, скорее всего, означает, что у него возникла какая-то мысль (аналог светофора), которая и остановила его. Он тоже приложил усилия для остановки, но доминирующая причина – внешняя. В этом смысле он объект. Он не является полноценным Агенсом, поскольку не контролирует изначально ход ситуации.

Итак, с одной стороны, субъект предиката не является чистым пациенсом, поскольку сам осуществляет действие. С другой стороны, это действие не самостоятельно, является следствием изменения окружающей обстановки. Поскольку этот фактор преобладает, естественно полагать, что автокаузатив порожден метафорическим переносом от рефлексива (2). Здесь субъект предиката тоже выступает в роли Пациенса и его зависимые изменения частично вызваны его же действиями.

⁶ Причина здесь – участник (обычно неодушевленный или действовавший бессознательно), который является причиной ситуации (*дождь затопил посевы; страх гнал его в путь*) [20, с. 116; выделено автором. – А.К.].

⁷ Эту пронизательную характеристику В. В. Виноградов полностью цитирует в своем определении [28, с. 632].

В итоге получаем:

- (4) *Мальчик останавливается* (автокаузатив – метафора от рефлексива) = ‘На субъект (лицо) переходит действие, производимое им самим под превалирующим влиянием его окружения’ = С субъектом происходят *зависимые* изменения, ПОТОМУ ЧТО действия субъекта подчиняются независимым изменениям его окружения.

6.2. Хабитуальный имперсонал (кратно-пассивно-возвратное значение): *собака кусается, корова бодается, Коля толкается*. Это значение А.А. Шахматов определяет следующим образом:

...действие глагольного признака проявляется кратко и притом с такой интенсивностью, которая или сосредоточивает особое внимание на производителе признака, или даже характеризует его, служа его отличительной чертой [29, с. 95].

Эта новая отличительная черта субъекта – “постоянный производитель данного действия” и становится тем его зависимым изменением, которое вызвали его же многократные повторы одного и того же действия. Понятно, что это значение также является метафорически производным от рефлексива:

- (5) *Коля толкается* (хабитуальный имперсонал – метафора от рефлексива) = ‘На субъект (лицо) переходит характерный признак “постоянный производитель действия”, порожденный многократным осуществлением субъектом этого действия’ = С субъектом произошли *зависимые* изменения: у него появился новый признак “постоянный производитель данного действия,” ПОТОМУ ЧТО субъект часто осуществляет это действие.

К этому же значению А.А. Шахматов относит еще одну группу глаголов: *белеется парус, кто-то стучится, просится, звонится, плачется* [Там же]. Н.Н. Дурново, напротив, различает эти группы, считая, что глаголы *краснеться, дымиться* “пускать дым около себя” указывают на усиление или концентрацию непереходного значения, а глаголы *обещаться, стучаться*, т.е. стучать для себя, указывают, что лицо делает что-то “для себя, в своих интересах” [27, с. 48–49]. Эти точки зрения не являются противоречивыми. Сошлемся здесь на А.Х. Востокова, который замечательно определил группу этих глаголов как “показывающих способность к действию, также обнаруживающие себя каким-либо действием или качеством” (цит. по [28, с. 608]). Глаголы *белеется, дымится* характеризуют субъект одним способом, а глаголы *стучится, просится* – другим.

6.3. Косвенно-результативный рефлексив: *отоспался, разгулялся, насиделся, намучился, наплясался*. Это значение, выделяемое А.А. Шахматовым, указывает, что

...действие глагольного признака, производителем которого нарочито мыслится сам субъект, проявляется во всей своей полноте. <...> Что касается частицы *-ся*, то она показывает, что данное действие так или иначе подействовало на его производителя (или удовлетворив его, или, напротив, истощив) [29, с. 94].

Указанная характеристика частицы *-ся* весьма сходна с характеристикой хабитуального имперсонала.

- (6) *Иван отоспался* (метафора от рефлексива) = На субъект (лицо) переходит косвенный результат действия, производимого им самим = С субъектом произошли результативные *зависимые* изменения, ПОТОМУ ЧТО длительные действия субъекта порождали постепенное и независимое накопление этих изменений.

6.4. Декаузатив (антикаузатив): *разбился, сломался, разрушился, распустился, растворился* и др. Ситуация, описываемая декаузативом, определяется различными исследователями примерно одинаково – “как возникшая и имеющая место без участия агенса” [32], ср. сходную трактовку: декаузативы «отличаются от исходных переходных глаголов устранением или “выводом из кадра” агентивного семантического компонента» [22, с. 284], или «декаузатив обозначает “пациентную” ситуацию, лишенную внешнего агенса» [20, с. 19].

На наш взгляд, эта трактовка требует уточнения. Почему все-таки субъект предиката (здесь, как правило, неодушевленный предмет) изменяется, если ситуация лишена Агенса или единой причины? Ведь мы понимаем, что чашка разбилась не сама собой, велосипед сломался не сам собой и т. д. Иначе говоря, мы понимаем, что эти изменения *зависимы*, порождены какими-то внешними обстоятельствами. На наш взгляд, такие изменения субъекта неосознанно трактуются говорящим как проистекающие вследствие каких-то изменений окружающих условий, в которых он находится. Стакан разбился после случайного толчка человека, или падения на него ложки, или соскальзывания с наклонной плоскости; сахар растворился со временем от воды, сырости (влажного воздуха); цветок распустился при наступлении весны, усилении солнечного света; крепость разрушилась от ветра, дождей, времени и т. д. Итак, в данном случае изменения, происхо-

дящие с субъектом, осмысляются говорящим как результат каких-то изменений окружения субъекта. А значит, они зависимы. В итоге, получаем:

- (7) *Дом разрушился* (декаузатив – метафора от пассива) = С субъектом предиката происходят *з а в и с и м ы е* изменения, вызванные какими-то изменениями его окружения = С субъектом происходят *з а в и с и м ы е* изменения, ПОТОМУ ЧТО независимо изменились окружающие его условия.

Итак, можно констатировать, что носитель языка выделяет в действительности четыре объективных фактора, вызывающих изменения субъекта: Агенса изменяет себя (*мальчик моется*), Причина (*белье сушится ветром*), Коллектив (*нарушитель вызывает в милицию*) и Окружение (*дом разрушается*).

6.5. Безличный модальный пассив (пассивно-возвратное значение): *мне хочется, хорошо работается, не спится, не сидится, нездоровится, икает, мне сдаётся, мне кажется, думается.*

Согласно А. А. Шахматову, здесь действие “осуществляется с такой интенсивностью, которая показывает его независимость от производителя действия... при действии мыслится фактический его производитель, но не в качестве производителя, а в качестве объекта, испытывающего на себе это действие” [29, с. 95; выделение автора. – А.К.]. Н.Н. Дурново трактует это действие сходным образом: “как происходящее само собой безотносительно к его субъекту” [27, с. 49].

Более конкретное описание значения глаголов *не спится, не работается* дает Ю.П. Князев: “наличие каких-либо препятствий к реализации желаемого или необходимого”, приводя примеры, в которых явно указывается препятствие: *Не спится няня, здесь так душно* (А. Пушкин. Евгений Онегин) = ‘хотелось бы уснуть, но не могу’; *Мне плохо работается при дневном свете...* (П. Вежинов. Барьер) [22, с. 298–299], ср. также пример *Мне всегда хорошо спится у телевизора* [33, с. 646].

Анализ этих и ряда других примеров приводит нас к следующему выводу. В данном случае глагол указывает на состояние участника ситуации (он здесь не субъект), которое либо располагает, либо, напротив, не располагает его к осуществлению действия. А в качестве главного фактора, вызывающего это состояние, выступает ситуационное окружение участника. На него он повлиять не может, поэтому и мыслится говорящим как объект, изменяемый этим окружением.

Само же действие может как осуществляться, так и не осуществляться. Приведу в качестве примера следующую ситуацию. Юноша и девушка брызгались на пляже довольно холодной водой. При этом девушка взвизгивала. Юноша спрашивает: “Ты чего визжишь?” – “Визжится”. Здесь благодаря окружающей обстановке у девушки возникло состояние, стимулировавшее осуществление действия “визжать” помимо ее воли.

Сказанное позволяет считать данное значение метафорическим производным от пассива (3), поскольку оно сходно с пассивом – описывает вызванное внешним фактором состояние деятеля, располагающее его к осуществлению действия:

- (8) *Ивану легко работается* (безличный модальный пассив – метафора от пассива) = Благодаря ситуационному окружению у участника ситуации возникло состояние, стимулирующее его к осуществлению действия = С участником ситуации происходят *з а в и с и м ы е* изменения: у него возникло состояние, стимулирующее его к осуществлению данного действия, ПОТОМУ ЧТО произошли независимые изменения в ситуационном окружении участника.

Замечание. Данная конструкция была предметом анализа многих лингвистов: Ю.Д. Апресяна, Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, А. Вежицкой, Ю.П. Князева и др., см. библиографию работ в [34, с. 192; 33, с. 645]. Не имея возможности углубляться в детали этого анализа, отметим лишь, что трактовка безличного глагола в определении (8) сходна с трактовкой Ю.Д. Апресяна, ср.: “...безличные глаголы на *-ся* обозначают состояние, а не действие...” [34, с. 194].

Близкие значения имеют безличный пассив (*стемнелось, рассказывалось, намекалось*)⁸ и модальный пассив (*машина плохо заводится, соль легко растворяется*) [32]. Коснемся безличного пассива. Глагол *стемнелось* указывает на действие “темнеет”, которое производится темнеющим окружением говорящего. Аналогично объясняется и значение глагола *намекается*, ср. пример из [32].

«...мы застаём в начале романа Настасью Филипповну в момент, когда один “старец” – Тоцкий перепродаёт её другому (формально Гане, но **намекается**, что фактически генералу Епанчи-

⁸ А.А. Шахматов объединяет в одном пассивно-возвратное значение, безличный модальный пассив и безличный пассив [29, с. 95].

ну)» [Ю.М. Лотман. Символ в системе культуры (1982–1992); выделение автора. – А.К.].

Из этой цитаты ясно, что намек здесь выражается контекстом (окружением). И в том, и в другом случае глагол называет безобъектные зависимые изменения.

7. Метонимические значения постфикса -ся (метонимии от рефлексива). Ниже рассмотрены метонимические значения возвратной частицы -сь/ся.

7.1. Объектный имперсонал (косвенно-возвратное значение): *убралась, уложился, постиралась, покопался* (в огороде), *публиковался, выставлялся*.

Приведем два толкования этого значения:

...действие глагольного признака, производителем которого мыслится нарочно сам субъект (одушвл.), имеет этого производителя также и косвенным своим объектом: прямой объект остается невыраженным. Он не может быть выражен [29, с. 94];

...субъект ситуации совершает действие над исходным прямым объектом для себя [32].

Мы считаем это значение метонимией от рефлексива (2). Здесь мы опираемся на хорошо известный эффект метонимического отождествления субъекта с принадлежащими ему объектами, см. об этом в монографии [22, с. 273], ср. также:

Рефлексивно-посессивные глаголы опираются на метонимическое отождествление субъекта с его неотчуждаемой или отчуждаемой принадлежностью: частью тела, одеждой, другими личными вещами... с жильем, имуществом, средствами передвижения или продуктами творчества [22, с. 273].

Например, в предложении *Маша убралась в своей комнате* (убрала свою комнату) субъект Маша метонимически отождествляется с комнатой, поэтому получается, что Маша убрала себя (метонимия от рефлексива).

Аналогично с глаголами *уложусь* и *постираюсь*, которые называют действия субъекта со своими вещами, а не вещами соседа или приятеля и т. д. Сюда же относится употребление *Иван строится*, указывающее, что Иван строит что-то значительное (дом, дачу) для своих нужд, а не для заказчика или продажи, и употребление *Я подключился к Интернету* [32], указывающее, что субъект подключил к Интернету свой компьютер.

Данное объяснение поддерживается определением А.А. Шахматова: действие имеет субъекта

косвенным своим объектом, поэтому прямой объект не может быть выражен.

В итоге получаем:

- (9) *Маша убирается* (объектный имперсонал – метонимия от рефлексива) = Субъект (Маша) метонимически отождествляется с принадлежащей ему собственностью (со своей комнатой). Поэтому независимые действия субъекта, изменяющие его собственность (Маша убирает комнату), трактуются как зависимые изменения, происходящие с самим субъектом (с Машей) = Субъект независимо воздействует на свою собственность, метонимически отождествленную с ним самим, ПОЭТОМУ с субъектом происходят з а в и с и м ы е изменения.

К этому значению относится ряд употреблений, зафиксированных сравнительно недавно, ср.:

...в современном русском языке получила продуктивность особая конструкция с неопределенным объектом... ср. приводимую в [35] характерную реплику продавца “*Вы там сами завернёте?*” ← “завернете покупку”, что часто служит источником каламбуров (ср. вопрос “*Где тут у вас можно повеситься?*”, задаваемый входящим в квартиру гостем) [20, с. 213].

Ср. также *Мы пошли греться* (разогреть свою еду), *Иду гладиться* (гладить свою одежду) и под., см. другие примеры в [35].

7.2. Рефлексивный бенефактив (антипассив): *запасается, закупается, одалживается*. В работе А.Б. Летучего это значение определяется как аналогичное объектному империялу:

субъект ситуации совершает действие над исходным прямым объектом для себя (как правило, приобретает его) *Мы закупились припасами, Иван запасся дровами* [32].

Мы также считаем, что данное значение аналогично значению (9).

7.3. Рефлексивный каузатив (возвратно-каузативное значение): *стрижется* (у парикмахера), *одевается* (у портного), *наблюдается* (у врача). Оно определяется следующим образом:

...субъект ситуации каузирует другого одушевленного участника оказать на него воздействие, выраженное исходным глаголом... *Иван побрился у парикмахера* [32].

Мы считаем, что это значение также образовано метонимическим переносом от рефлексива. Во фразе *Анна стрижется у парикмахера* субъект (Анна) метонимически отождествляется с парикмахером, который ее стрижет. Тем самым получа-

ется, что Анна косвенным образом стрижет сама себя. Основанием для такого отождествления служит функциональное взаимодействие парикмахера с Анной: он контактирует с ней и действует в ее интересах. Таким образом, получаем:

- (10) *Анна стрижется у парикмахера* (рефлексивный каузатив – метонимия от рефлексива) = На субъект (Анну) переходит действие, производимое с ним другим участником (парикмахером), метонимически отождествленным с субъектом = С субъектом происходят *з а в и с и м ы е* изменения, **ПОТОМУ ЧТО** другой участник ситуации, метонимически отождествленный с субъектом, осуществляет независимые действия с ним.

7.4. Реципрок (взаимно-возвратное значение): *борется, сражается, возится, условился, сговорился, соглашается, целуется*. Приведем сначала конкретное описание В.А. Плунгяна и два толкования: Н.Н. Дурново и А.А. Шахматова:

...глагол *целоваться* описывает ситуацию, в которой (выражаясь сухо и технически) агенс и пациенс поцелуя является одним и тем же лицом; а поскольку это так, то в данной ситуации, как легко понять, возникают как бы два агенса и два пациенса одновременно [20, с. 215];

...несколько действующих лиц делают друг с другом то, что при невозвратной форме действующее лицо делает с другими лицами... [27, с. 48];

...действие глагольного признака, производителем которого нарочито мыслится сам субъект, имеет объектом связанные с этим самым действием с субъектом объекты, поэтому действие переходит косвенно и на самый субъект... [29, с. 94].

Мы считаем данное значение аналогичным предыдущему, рефлексивно-каузативному значению (10). Здесь субъект метонимически отождествляется с объектом своего действия, в результате чего получается, что его действие переносится на него же, как в рефлексиве. Функциональное взаимодействие субъекта с другим участником – основание для метонимического отождествления – выражается в том, что действия каждого из них вызваны действиями другого.

- (11) *Иван целуется с Машей* (реципрок – метонимия от рефлексива) = Субъект осуществляет действие с другим участником ситуации, который одновременно осуществляет это же действие с субъектом. Поскольку этот участник метонимически отождествлен с субъектом, получается, что субъект косвенно осуществляет действие с самим собой =

С субъектом происходят *з а в и с и м ы е* изменения, **ПОТОМУ ЧТО** другой участник ситуации, метонимически отождествленный с субъектом, осуществляет с ним те же действия, которые и субъект осуществляет с ним.

Это объяснение согласуется с трактовкой А.А. Шахматова (см. выше). Указанная в ней характеристика – действие субъекта косвенно переходит на него – весьма схожа с собственно возвратным значением и служит подтверждением метонимической природы значения. Этот класс глаголов довольно широк: *шепчемся, видимся, стреляемся* и пр.

8. Итоговые замечания. Проведенный анализ показал, что постфикс *-сь/ся* имеет единое значение – обозначает *з а в и с и м о е* изменение субъекта (или другого участника ситуации, если глагол безличный). Это единое значение распадается на множество конкретных значений и окказиональных употреблений, отражающих различные типы зависимых изменений. Исходным (или основным) для всех этих значений можно считать значение рефлексива (2), представляющего собой метонимию от актива. От рефлексива образуются две группы переносов: метафоры и метонимии. Еще одна группа переносов (метафор) образуется от пассива, см. табл. 1.

В получившихся группах можно выделять и более частные значения. Однако это вряд ли имеет смысл делать, поскольку, как уже отмечалось исследователями, возвратные значения не только весьма разнообразны, но и “диффузны” [28, с. 630], а потому не доступны исчислению (стремление некоторых исследователей осуществить такое исчисление напоминает “игру в бисер”). Ведь каждое вновь увиденное говорящим зависимое действие (изменение) может быть сколь угодно схожим с уже известным, а может быть и совершенно новым, побуждающим говорящего образовывать окказиональное употребление глагола на *-ся*. Если такие действия начинают встречаться все чаще и чаще, то возникает новый тип употребления, который становится известным все большему и большему кругу носителей русского языка, как, например, тип употреблений объектного имперсонала, исследованный С.С. Саем [35] (вопрос продавца: “*Вы там сами завернётесь?*” = “завернете покупку”). Ввиду своей частотности этот тип употреблений может отложиться в памяти этих носителей языка. Однако при необходимости образования нового употребления такого типа носитель языка может использовать как его, так и свой общий механизм образования метони-

мических значений. Именно поэтому человек, никогда ранее не слышавший таких употреблений, зная контекст, с легкостью их понимает, а также и сам формирует их при первой необходимости.

Как мы могли убедиться, залог является сенсорной единицей, а его значения удовлетворяют формулам (А) и (В) из п. 1 Введения. В §§20, 23 монографии [36] в аналогичном ключе дан анализ других грамматических значений.

Объясним, наконец, почему в центре внимания статьи были сенсорные единицы языка. Мы считаем, что когнитивная теория семантики, наряду с решением проблем I и II (см. Введение), должна способствовать решению проблем глоттогенеза и онтолингвистики (становление детского языка). Сенсорные единицы языка играют в этих теориях важнейшую роль. Ребенок прежде всего усваивает именно сенсорную лексику и грамматику, поскольку сенсорные единицы допускают остенсивное определение – на их референты можно указать жестом, взглядом, кивком головы. Ребенок обращает внимание прежде всего на те предметы и действия, которые привлекают его мать – детская способность к совместному вниманию и общему пониманию текущей ситуации (совместная интенциональность (shared intentionality) – по М. Томаселло), см. [37, с. 694]. К примеру, он глядит на то же действие, на которое смотрит мать, называя это действие сенсорным глаголом. И в ситуационном контексте он догадывается об интерпретации этого действия. Тем самым в сознании ребенка постепенно формируется значение услышанного глагола – типичная форма (прототип) и типичная интерпретация (семантическое ядро) увиденного действия. Что касается глоттогенеза, то заметим лишь, что 100-словный список Сводеша состоит из сенсорных слов (исключение – глагол *знать*), подробнее об этом см. [37, с. 764; 38, с. 12–13].

Выражаю глубокую благодарность Л.Г. Зубковой, Л.П. Крысину и Н.В. Перцову за содержательные обсуждения предварительной версии статьи и доброжелательные критические замечания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Кошелев А.Д. О референциальном подходе к лексической полисемии // Кибрик А.А., Кошелев А.Д., Кравченко А.В., Мазурова Ю.В., Федорова О.В. (ред.). Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М., 2015. С. 287–349 (<https://independent.academia.edu/AlexeyKoshelev>). Koshelev A.D. O referencial'nom podhode k leksicheskoi polisemii. Kibrik A.A., Koshelev A.D., Kravchenko A. V., Mazurova Ju. V., Fedorova O.V. (red.). Jazyk i mysl': sovremennaja kognitivnaja lingvistika. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015. С. 287–349 (<https://independent.academia.edu/AlexeyKoshelev>). Koshelev, A.D. A referential approach to the lexical polysemy. Kibrik A.A.; Koshelev, A.D.; Kravchenko, A.V.; Mazurov, Y.V.; Fedorova, O.V. (eds.). Language and thought: modern cognitive linguistics. M.: Languages in Slavic culture, 2015. P. 287–349.]
2. Кошелев А.Д. Значение слова как генеративный комплекс: когнитивное значение (связанная со словом структура концептов) → языковое значение (набор узуальных смыслов) // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. статей в честь 80-летия И.А. Мельчука. М., 2012. С. 301–329. (http://www.ruslang.ru/doc/melchuk_festschrift2012/Koshelev.pdf). [Koshelev A.D. Znachenie slova kak generativnyj kompleks. Smysly, teksty i drugie zahvatyvajushhie sjuzhety: Sb. statej v chest' 80-letija I. A. Mel'chuka. M., 2012. С. 301–329. Koshelev, A.D. A Meaning of the word as a generative complex. A Meaning, text and other exciting subjects: Collected Articles in honor of the 80th anniversary of I.A. Mel'chuk. M., 2012. P. 301–329.]
3. Кошелев А.Д. Когнитивный анализ общечеловеческих концептов. М., 2015. (<https://independent.academia.edu/AlexeyKoshelev>) [Koshelev A.D. Kognitivnyj analiz obshhechelovecheskih konceptov. M., 2015. Koshelev, A.D. Cognitive analysis of universal concepts. M., 2015.]
4. Толковый словарь русского языка / Ред. Д. Н. Ушаков. М., 1934–1940. Т. I–IV. [Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. Red. D.N. Ushakov. M., 1934–1940. T. I–IV. A Dictionary of Russian. Ed. D.N. Ushakov. M., 1934–1940. V. I–IV.]
5. Bingham, G.P.; Schmidt, R.C.; Rosenblum, L.D. Dynamics and the orientation of kinematic forms in visual event recognition. Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 1995. Vol.21 (6). P.1473–1493.
6. Carey, S. The origin of concepts. New York: Oxford Univ. Press, 2009.
7. Stachowiak, F.-J. Metaphor production and comprehension in Aphasia. Paprotte W., Dirven R. (eds). The Ubiquity of Metaphor: Metaphor in language and thought. Amsterdam: John Benjamins, 1985. P. 559–599.
8. Маслов Ю.С. Введение в языковедение. М., 1987. [Maslov Ju.S. Vvedenie v jazykoznanie. M. 1987. Maslov, U.S. Introduction to Linguistics. M. 1987.]
9. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960. [Paul' G. Principy istorii jazyka. M., 1960. Paul, G. Principles of the history of language. M., 1960.]
10. Воейкова М.Д., Казаковская В.В., Сатюкова Д.Н. Семантика прилагательных в речи взрослых и детей // Кибрик А.А., Кошелев А.Д., Кравченко А.В.,

- Мазурова Ю.В., Федорова О.В. (ред.). Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М., 2015. С. 488–540. [Voejkova M.D., Kazakovskaja V.V., Satjukova D.N. Semantika prilagatel'nyh v rechi vzroslyh i detej. Kibrik A.A., Koshelev A.D., Kravchenko A.V., Mazurova Ju. V., Fedorova O.V. (red.). Jazyk i mysl': sovremennaja kognitivnaja lingvistika. M., 2015. S. 488–540. Voejkova, M. D.; Kazakovskaja, V. V.; Satjukova, D. N. Semantics of adjectives in the speech of adults and children. Kibrik, A.A.; Koshelev, A.D.; Kravchenko, A.V.; Mazurova, Yu.V.; Fedorova, O.V. (ed.). Language and thought: modern cognitive linguistics. M., 2015. P. 488–540.]
11. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М., 1974; 2-е изд.: Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М., 1995. [Apresjan Ju. D. Leksicheskaja semantika: sinonimicheskie sredstva jazyka. M., 1974; 2-е изд.: Izbrannye trudy. T. 1. Leksicheskaja semantika: sinonimicheskie sredstva jazyka. M., 1995. Apresjan, Yu.D. Lexical Semantics: Synonymous means of language. M., 1974; 2nd ed.: Selected Works. T. 1. Lexical Semantics: Synonymous means of language. M., 1995.]
 12. Longman dictionary of contemporary English. Italy, 2009.
 13. Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге русского языка. СПб., 2010. [Shishkov A.S. Rassuzhdenie o starom i novom sloge rossijskogo jazyka. SPb., 2010. Shishkov, A.S. Discourse on the Old and New Styles of the Russian language. SPb., 2010.]
 14. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1996. [Vygotskij L.S. Myshlenie i rech'. M., 1996. Vygotskij, L.S. Thought and Speech. M., 1996.]
 15. Летучий А.Б. Переходность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2014. [Letuchij A. B. Perehodnost'. Materialy dlja proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki (<http://rusgram.ru>). Na pravah rukopisi. M. 2014. Letuchij, A.B. Transitivity. Materials for the project description of the frame of the Russian grammar (<http://rusgram.ru>). In manuscript. M. 2014.]
 16. Slobin, D.I. The origin of grammatical encoding of events. Hopper, P.; Thompson, S. (eds). Studies in Transitivity. N.Y.: Academic Press, 1982. P. 409–422.
 17. Givón, T. Syntax: A functional-typological introduction. Vol. 2. Amsterdam: John Benjamins, 1990.
 18. Wierzbicka, A. Semantics: Primes and universals. Oxford; New York: Oxford University Press, 1996.
 19. Везибицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М., 2011. [Vezhbickaja A. Semanticheskie universalii i bazisnye koncepty. M., 2011.]
 20. Плузган В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы мира. М., 2011. [Plungjan V. A. Vvedenie v grammaticheskiju semantiku: grammaticheskie znachenija i grammaticheskie sistemy mira. M., 2001. Plungjan, V.A. Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical system of the world. M., 2001.]
 21. Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., 1996. [Reformatskij A.A. Vvedenie v jazykoznanie. M., 1996. Reformatsky, A.A. Introduction to Linguistics. M., 1996.]
 22. Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007. [Knyazev Ju. P. Grammaticheskaja semantika: Russkij jazyk v tipologicheskoy perspektive. M. 2007. Knyazev, Y.P. Grammatical semantics: The Russian language in typological perspective. M., 2007.]
 23. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001. [Testelec Ja. G. Vvedenie v obshhij sintaksis. M., 2001. Testelecs, Ya. G. Introduction to the general syntax. M. 2001.]
 24. Kulikov, L. Voice typology. Song, J.J. The Oxford Handbook of Linguistic Typology. Oxford, 2011. P. 368–398.
 25. Leslie, A.M. Spatiotemporal continuity and the perception of causality in infants. Perception. 1984. Vol. 13. 1984. P. 287–305.
 26. Субботский Е.В. Строящееся сознание. М., 2007. [Subbotskij E.V. Strojashheesja soznanie. M., 2007. Subbotsky, E.V. Building consciousness. Moscow, 2007.]
 27. Дурново Н.Н. Грамматический словарь. М., 2001. [Durnovo N.N. Grammaticheskij slovar'. M., 2001. Durnovo, N.N. Grammar Dictionary. M., 2001.]
 28. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М. Л., 1947. [Vinogradov V.V. Russkij jazyk (grammaticheskoe uchenie o slove). M. L. 1947. Vinogradov, V.V. Russian language (grammatical doctrine of the word). M.; L., 1947.]
 29. Шахматов А.А. Учение о частях речи. М., 2006. [Shahmatov A.A. Uchenie o chastjah rechi. M. 2006. Shakhmatov, A.A. The doctrine of the parts of speech. M. 2006.]
 30. Генюшени Э.Ш., Недялков В.П. Типология рефлексивных конструкций // ТФГ. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 241–276. [Genjushene Je. Sh., Nedjalkov V. P. Tipologija refleksivnyh konstrukcij. TFG. Personal'nost'. Zalogovost'. SPb. 1991. S. 241–276. Genyushene, Ye.Sh. Nedyalkov, V.P. Typology of reflective structures. TFG. Personality. Breakage. SPb. 1991. P. 241–276.]

31. *Faltz, L.M.* Reflexivization: A study in universal syntax. N.Y.; London: Garland, 1985.
32. *Летучий А.Б.* Возвратность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2014. [*Letuchij A.B. Vozvratnost'. Materialy dlja proekta korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki* (<http://rusgram.ru>). Na pravah rukopisi. M. 2014. [*Letuchij, A.B. Recoverability. Materials for the project description of the frame of Russian grammar* (<http://rusgram.ru>). In manuscript]. M. 2014.]
33. *Фичи Ф.* Об одной модальной функции рефлексивных конструкций // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. статей в честь 80-летия Ю.Д. Апресяна. М., 2011. С. 645–654. [*Fichi F. Ob odnoj modal'noj funkcii refleksivnyh konstrukcij. Smysly, teksty i drugie zahvatyvajushhie sjuzhety: Sb. statej v chest' 80-letija Ju. D. Apresjana. M., 2011. S. 645–654. [Fichi, F. On a modal function of reflexive constructions. A Meaning, text and other exciting subjects: Collected Articles in honor of the 80th anniversary of Yuri Apresyan]. M., 2011. P. 645–654.]*
34. *Апресян Ю.Д.* Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1. Парадигматика. М., 2009. [*Apresjan Ju. D. Issledovanija po semantike i leksikografii. T. 1. Paradigmatika. M., 2009. [Apresyan, Yu. D. Studies in semantics and lexicography. T. 1. Paradigmatics]. M., 2009.]*
35. *Сай С.С.* Прагматически обусловленные возвратные конструкции «опущенного объекта» в русском языке // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 75–91. [*Saj S.S. Pragmaticheski obuslovlennye vozvratnye konstrukcii «opushhennogo ob'ekta» v russkom jazyke. Voprosy jazykoznanija, 2007, № 2. S. 75–91. [Saj, S.S. Pragmatically caused recurrent patterns of «dropped object» in the Russian language. Questions of Linguistics, 2007, № 2. P. 75–91.]*
36. *Кошелев А.Д.* Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М., 2016. В печати. [*Koshelev A.D. Oчерki jevoljucionno-sinteticheskoi teorii jazyka. M., 2016. V pečati. [Koshelev, A.D. Essays evolutionarily synthetic theory of language]. M., 2016. In print.]*
37. *Кошелев А.Д.* Когнитивистика перед выбором: дальнейшее углубление противоречий или построение единой междисциплинарной парадигмы // *Фитч У.Т.* Эволюция языка. М., 2013. С. 680–767. [*Koshelev A.D. Kognitivistika pered vyborom: dal'nejshee uglublenie protivorechij ili postroenie edinoj mezhdisciplinarnoj paradigmy. Fitch U.T. Evoljucija jazyka. M., 2013. S. 680–767. [Koshelev, A.D. Cognitive Science before a choice: further deepening contradictions or building a unified interdisciplinary paradigm. Fitch, W.T. Evolution of language. M., 2013. P. 680–767.]*
38. *Кошелев А.Д.* Современная теоретическая лингвистика как Вавилонская башня // Известия РАН. Сер. языка и литературы. 2013. Т. 72, № 6. С. 3–22. [*Koshelev A.D. Sovremennaja teoreticheskaja lingvistika kak Vavilonskaja bashnja. Izvestija RAN. Ser. jazyka i literatury. 2013. T. 72, № 6. S. 3–22. [Koshelev, A.D. Modern theoretical linguistics as the Tower of Babel. Bulletin of the RAS. Ser. language and literature. 2013. T. 72, № 6. P. 3–22.]*
39. *Пинкер С.* Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. [*Pinker, S. Substanzia myshlenia: jazyk kak okno v chelovecheskuju prirodu [The Stuff of Thought: Language as a Window into Human Nature]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2013.]*